

УДК 947.084
EDN CHUVFF

<http://vestnikniig.ru>

Научная статья

ЖИЛИЩНАЯ ПРОБЛЕМА НА ЛЕСОЗАГОТОВКАХ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ПРЕДВОЕННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Е. В. Воейков

Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия
evgenijvoejkov@yandex.ru

Аннотация

Введение. В статье рассмотрены основные аспекты жилищной проблемы на лесозаготовках двух национальных республик Поволжья: Мордовской и Татарской АССР в 1930-е — 1940 г.

Материалы и методы. Источниковой базой статьи являются фонды региональных архивохранилищ республик Мордовия и Татарстан, Самарской и Ульяновской областей. Методология статьи базируется на применении сравнительно-исторического метода и теории модернизации.

Результаты исследования и их обсуждение. Бытовые аспекты деятельности работников лесной промышленности в исторической литературе исследованы слабо. Между тем наличие жилых помещений являлось важным условием обеспечения крупномасштабных лесозаготовок, развернувшихся в СССР в начале 1930-х гг. Жилые бараки на местах лесозаготовок строились быстро, с многочисленными изъянами. С вводом в строй на лесозаготовках Мордовской и Татарской АССР новых бараков основными проблемами стало состояние сохранившихся кое-где землянок, наличие насекомых и недостаток постельных принадлежностей.

Заключение. В целом можно констатировать, что жилищный вопрос в леспромпхозах основных лесных трестов Мордовской и Татарской АССР в годы третьей пятилетки в количественном отношении был решен. Однако сохранились свидетельства о недостатке жилых помещений по нескольким леспромпхозам Татарской АССР, о недостаточном количестве постельных принадлежностей к приобретенным железным кроватям в леспромпхозах Мордовской АССР. В отдельных регионах страны ситуация с жилыми помещениями для лесорубов в 1930-е гг. была более напряженной, чем в рассмотренных в статье республиках Поволжья.

Ключевые слова: лесозаготовки, бараки, землянки, лесные тресты

Для цитирования: Воейков Е. В. Жилищная проблема на лесозаготовках национальных республик Поволжья в годы предвоенной индустриализации // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 2. С. 69 — 81. EDN CHUVFF

© Воейков Е. В., 2024

Original article

THE HOUSING PROBLEM IN THE LOGGING OF THE NATIONAL REPUBLICS OF THE VOLGA REGION DURING THE YEARS OF PRE-WAR INDUSTRIALIZATION

E. V. Voeikov

Penza State University,
Penza, Russia
evgenijvoeikov@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article considers the main aspects of the housing problem in the logging areas of two national republics of the Volga region: the Mordovian and Tatar Autonomous Soviet Socialist Republics in the 1930s — 1940.

Materials and methods. The source base for the article is the funds of the regional archives of the republics of Mordovia and Tatarstan, Samara and Ulyanovsk regions. The methodology of the article is based on the application of the comparative historical method and the theory of modernization.

Results and discussion. In the historical literature, the everyday aspects of the activities of forest industry workers have been poorly studied. Meanwhile, the availability of residential premises was an important condition for ensuring largescale logging that unfolded in the USSR in the early 1930s. Residential barracks at logging sites were built quickly, with numerous flaws. With the commissioning of new barracks at the logging sites of the Mordovian and Tatar Autonomous Soviet Socialist Republics, the main problems became the condition of the dugouts that remained here and there, the presence of insects and the lack of bedding.

Conclusion. In general, it can be stated that the housing issue in the timber industry enterprises of the main forest trusts of the Mordovian and Tatar Autonomous Soviet Socialist Republics was quantitatively resolved during the Third Five-Year Plan. However, there is evidence of a lack of living quarters in several timber industry enterprises of the Tatar ASSR, and of an insufficient amount of bedding for the purchased iron beds in the timber industry enterprises of the Mordovian ASSR. In some regions of the country, the situation with living quarters for lumberjacks in the 1930s was more tense than in the Volga republics discussed in the article.

Keywords: logging, barracks, dugouts, forest trusts

For citation: Voeikov EV. The Housing Problem in the Logging of the National Republics of the Volga Region during the Years of Pre-War Industrialization. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(2):69—81. EDN CHUVFF

Введение

Лесная промышленность в период предвоенной модернизации занимала особое место среди других отраслей индустрии СССР. Важным источником валютных поступлений СССР оставался экспорт лесного сырья. Лесозаготовки давали материалы для развернувшегося на новостройках массового строительства, шпалы для железных дорог, столбы для линий связи и освещения, рудничную стойку для угольных шахт, а также сырье для производства бумаги. Заготавливаемые на лесах наряду с другими видами древесины так называемые спецсортименты шли для предприятий военной промышленности, в частности при производстве самолетов. Спецификой довоенных пятилеток стало крупномасштабное использование древесины в качестве топлива.

Объемы лесозаготовок в 1930-е гг. значительно выросли по сравнению с 1920-ми гг. Если в 1929 г. в СССР было заготовлено 95,5 млн м³ древесины, то в 1932 г. — 164,7 млн, в 1940 г. — 232,7 млн м³ [8, с. 41]. При этом массовые заготовки дров и деловой древесины развернулись не только в богатых лесными ресурсами районах Севера, Урала, Сибири, Дальнего Востока, но и в относительно малолесных регионах Центра и Поволжья. Лесистость местности (отношение площади лесов ко всей площади), равная 25 %, по нормам того времени считалась достаточной для обеспечения потребностей в древесине данной территории. В Татарской АССР этот показатель составлял 17,5 %, в Мордовской АССР леса занимали 24 % площади¹. В центре Европейской части России с привлечением рабочей силы на лесозаготовки и транспортировкой заготовленной древесины не было таких проблем, как в малонаселенных и отдаленных от транспортных путей северных или сибирских лесных массивах. Кроме того, автономные республики Поволжья находились на перекрестке железнодорожных путей, что позволяло в условиях топливного дефицита 1930-х гг. оперативно снабжать дровами промышленные предприятия региона; из Мордовской АССР дрова вывозились и в Москву. В связи с этим в годы предвоенных пятилеток лесозаготовки Мордовской и Татарской АССР, несмотря на ограниченный запас лесных ресурсов на данных территориях, играли важную роль в их экономическом развитии. Например, в Мордовской АССР объем лесозаготовок в 1935 г. достиг 1 млн 300 тыс. м³ ²; в 1940 г. вывозка древесины с мест заготовки составила 1 млн 964 тыс. м³, в Татарской АССР — 1 млн 502 тыс. м³ ³.

Жилые помещения на лесозаготовках имели особое значение, поскольку большинство лесорубов и возчиков не имело возможности каждый день добираться до места работы и возвращаться домой, проходя десятки километров. В 1920-е гг. жилищный фонд на лесозаготовках Поволжья, как и в большинстве регионов страны, находился в неудовлетворительном состоянии. Еще с дореволюционных времен существовали топящиеся по-черному землянки, в которых лесорубы спали на полу. Построенные в 1920-е гг. немногочисленные бараки не имели кроватей, рабочие спали на сплошных нарах без матрасов и постельного белья. В бараках была плохая вентиляция, отсутствовали сушилки для мокрой одежды. В 1929 — 1930 гг. плановые задания по рубке леса и вывозке древесины резко выросли, что привело к увеличению количества рабочих, которые оказались не обеспечены соответствующим жильем. Решение данной проблемы на лесозаготовках стало важной задачей лесной промышленности СССР в 1930-е гг.

В Мордовской автономной области и далее АССР в годы первой и второй пятилеток основной лесозаготовительной организацией был трест «Средлес» Наркомата тяжелой промышленности СССР, осуществлявший заготовки деловой и дровяной древесины на территории Средне-Волжского края, включившего в 1928 г. территории бывших Пензенской, Самарской и Ульяновской губерний. На территории Мордовии функционировали Ардатовский, Дубенский, Зубовский (Зубово-

¹ ГА РТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. Р-4580. Оп. 1. Д. 1221. Л. 4; ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. Р-1496. Оп. 1. Д. 9. Л. 255.

² ЦГА РМ. Ф. Р-1566. Оп. 1. Д. 40. Л. 35.

³ Промышленность СССР: стат. сб. М., 1957. С. 251, 252.

Полянский), Ичалковский, Краснослободский и Саранский леспромхозы «Средлеса»⁴. Кроме того, на территории данной автономной области/республики вел лесозаготовки трест «Москвотоп» («Мосгортоп») Наркомлеса СССР, располагавший Темниковским леспромхозом⁵. В годы третьей пятилетки в Мордовской АССР в системе лесозаготовок функционировали Зубовский, Ичалковский, Краснослободский леспромхозы, переданные после ликвидации «Средлеса» в 1939 г. тресту «Волгостройлес» и далее с октября 1940 г. — тресту «Мордовстройлес», Мордовское территориальное управление лесоохраны и Темлаг ГУЛАГа⁶.

В Татарской АССР все основные лесозаготовки были сосредоточены в лесхозах Татарского лесохозяйственного треста («Татлесхозтрест») Наркомзема СССР. В конце 1936 г. на базе «Татлесхозтреста» был создан ставший основным лесозаготовителем автономной республики лесопромышленный трест «Татлес» системы Наркомлеса СССР. С марта 1937 г. по декабрь 1938 г. «Татлес» был преобразован в Татарское отделение Союзпищетары («Татлесзагтара») Наркомата пищевой промышленности СССР. В декабре 1938 г. вновь организованный трест «Татлес» вошел в систему Наркомлеса РСФСР⁷. В 1936 г. было образовано Татарское управление лесоохраны и лесонасаждений. В мае 1939 г. «Татлес» был преобразован в Наркомлес Татарской АССР.

В менее значительных объемах лесозаготовки в автономных республиках Поволжья производились другими лесозаготовителями: управлениями лесов местного значения (УЛМЗ), городскими топливными трестами (гортопами), управлениями местной топливной промышленности и отдельными промышленными предприятиями. В рамках данной статьи состояние жилищной сферы рабочих лесной промышленности исследовано на примере наиболее крупных лесозаготовителей: трестов «Татлесхозтрест», «Татлес» и базирующихся на территории Мордовской АССР леспромхозов «Средлес», «Волгостройлес» и «Москвотоп». Лесная промышленность в силу ограниченных рамок статьи рассмотрена только применительно к заготовке деловой и дровяной древесины на лесосеках, переработка древесины на лесозаводах, производство мебели и бумаги исключены из предмета исследования.

Обзор литературы

В литературе по истории лесной промышленности СССР 1930-х гг. чаще всего основное внимание сосредоточено на производстве и техническом обеспечении отрасли [7, с. 53 — 97]. Информация о бытовой сфере рабочих леспрома встречается только в отдельных работах, при этом сведения о состоянии жилья лесорубов обычно включены в контекст повествования редкими упоминаниями [6, с. 66, 68; 10, с. 35, 38, 42, 57]. Например, в содержащей подробный и интересный фактический материал коллективной монографии по истории лесного комплекса Республики Коми сведения о состоянии бараков лесорубов периода предвоенных пятилеток занимают ограниченный объем и относятся только к поселкам спецпереселенцев [1, с. 42 — 44].

⁴ ГА УО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. Р-1810. Оп. 3. Д. 12. Л. 172 — 173.

⁵ ЦГА СО (Центральный государственный архив Самарской области). Ф. Р-751. Оп. 9. Д. 145. Л. 1.

⁶ ГА УО. Ф. Р-2481. Оп. 2. Д. 1. Л. 191 — 191 об.; Д. 3. Л. 226; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918 — 1960. М., 2002. С. 743.

⁷ ГА РТ. Ф. Р-4571. Оп. 1. Д. 14. Л. 1; Д. 59. Л. 104; Д. 99. Л. 154.

Исключением из общей тенденции фрагментарного рассмотрения условий труда и быта рабочих лесной промышленности являются работы историка И. В. Зыкина, в монографиях которого состоянию рабочих поселков на предприятиях лесной промышленности отведены отдельные главы [4, с. 231 — 259; 5, с. 281 — 334]. Автором наиболее подробно рассмотрены лесозаготовки и лесоперерабатывающие комбинаты Урала, вместе с тем приведены примеры и по другим регионам России, преимущественно Севера и Сибири. Сильной стороной работ И. В. Зыкина является подробное исследование конструкций жилых помещений и планирования застройки населенных пунктов в 1930-х гг. Однако в его работах преобладает анализ быта спецпереселенцев на лесозаготовках. Между тем в большинстве краев, областей и автономных республик Европейской части России основной контингент рабочих лесозаготовок составляли вольнонаемные лесорубы и возчики.

Таким образом, тема условий труда и быта рабочих лесной промышленности эпохи предвоенной модернизации, в частности состояние жилищной сферы, сегодня только начинает разрабатываться в исторических работах.

Материалы и методы

В качестве методов исследования в статье были использованы сравнительно-исторический и системный. Специальным методологическим подходом стала теория модернизации, которая применительно к СССР трактуется в качестве догоняющей и принудительно насаждаемой государством.

Территориальные рамки статьи включают Мордовскую и Татарскую АССР в границах периода третьей пятилетки. Мордовия в декабре 1934 г. была реорганизована из автономной области в составе Средне-Волжского края в Мордовскую АССР с центром в г. Саранске; в 1936 г. вышла из состава Куйбышевского края. Несмотря на включение Мордовии на современном этапе в состав Волго-Вятского экономического района, в данной статье Мордовская автономная область и далее Мордовская АССР отнесены к Среднему Поволжью на основании длительного пребывания в составе Средне-Волжского края наряду с Пензенской, Самарской и Ульяновской областями. Образованная в 1920 г. Татарская АССР в 1930-е гг. продолжала оставаться в Среднем Поволжье самостоятельным административно-территориальным образованием в прежних границах.

Результаты исследования и их обсуждение

Особенно тяжело жилось рабочим лесозаготовок в период первой пятилетки. В 1930 г. на лесозаготовках треста «Татлес» жилищный фонд еще не был создан. Корреспондент газеты обратил внимание на связь производственного процесса с отсутствием жилья: «Для того, чтобы приостановить текучесть рабочих на лесозаготовках, необходимо обеспечить их теплым жилищем, расположенным в непосредственной близости от района заготовок. А теперь усталый рабочий вынужден идти в деревню за несколько верст. Во время буранов и оттепелей одежда и обувь промокают. В лесу негде обсушиться. Все это создает благоприятную почву для прогулов и для заболеваний»⁸.

В январе 1930 г. уполномоченный по лесозаготовкам Мордовской автономной области сообщил в крайком и крайисполком Средне-Волжского края: «Основным

⁸ Лесозаготовки — ударный участок // Красная Татария. 1930. № 18. 24 янв.

недостатком в форсировании работы является отсутствие достаточного количества жилой площади». Кроме того, подчеркнул, что в имеющихся бараках «нет печей, сломанные двери, битые стекла»⁹.

Бараки для лесорубов в начале 1930-х гг. строились быстро, из некачественного материала, с плохо подогнанными рамами и дверьми. Интересно сопоставить официальные данные треста «Москвотоп» с результатами обследования лесозаготовок Темниковского района уполномоченного крайисполкома Средне-Волжского края по Мордовской автономной области П. Басина. На заседании краевой межведомственной комиссии по дроволесозаготовкам 30 января 1930 г. представитель «Москвотопа» доложил, что «жилищами рабочие обеспечены на 50 %, в отстроенных 8-ми жилых бараках, и в настоящее время заканчивается еще 3; кроме того, для грузчиков и части сезонных рабочих имеются оборудованные вагоны-теплушки»¹⁰. В докладной записке П. Басина приведена более детальная информация: «В небольших землянках ютятся по 15 — 20 человек. Сильная скученность и чрезвычайно скверные санитарные условия (полная антисанитария). Бараки (новые жилища) переполнены – вместо 50 человек помещается 80 и более. Служебные помещения также заполнены возчиками и рабочими»¹¹. Как видно из сравнения приведенных двух архивных документов, руководство московского треста в информации о ходе лесозаготовок в Темниковском районе дало для местных краевых структур Средне-Волжского края некий оптимистичный вариант решения жилищного вопроса (бараки ускоренными темпами строятся, проблема решается, скоро все будет хорошо). Информация о повсеместной переполненности жилых помещений и грубом нарушении санитарных норм, на которые обратил внимание уполномоченный крайисполкома, на заседании межведомственной комиссии не прозвучала.

Через год, в январе 1931 г., посетившие Темниковский леспромхоз треста «Москвотоп» корреспонденты местной газеты Средне-Волжского края отразили свои впечатления в обширной газетной заметке. О состоянии жилищной сферы писали: «В леспромхозе очень много построек, но как они сделаны? Лес сырой, мокнет, гниет. Вечный угар, клопы. Таковы рабочие жилища. Удивительно ли после этого, что рабочие, как от чумы, бегут из этих жилищ, бегут в... землянки»¹². Однако и в землянках условия были не лучше: «В землянках лесорубов едят клопы, тараканы. Нет сушилок»¹³. Однако определенный прогресс в состоянии жилищной сферы в 1931 г. по сравнению с 1930 г. был: в количественном отношении жилыми помещениями Темниковский леспромхоз был обеспечен, так что отдельные рабочие могли позволить себе переходить из бараков в землянки. Однако низкое качество делало жилье даже с точки зрения неизбалованных комфортом людей 1930 г. непригодным для временного проживания. Корреспондент газеты «Красная Мордовия», посетивший в феврале 1931 г. бараки лесорубов Кочемировского участка Темниковского

⁹ ЦГА СО. Ф. Р-674. Оп. 1. Д. 464. Л. 308.

¹⁰ Там же. Л. 329.

¹¹ ЦГА СО. Ф. Р-779. Оп. 2. Д. 714. Л. 211.

¹² Здесь вредят пятилетке // Красная Мордовия. 1931. № 24. 31 янв.

¹³ Зубр. В дебрях Темниковских лесов. Это называется фабзавком? // Борьба за лес. 1931. № 5. 17 февр.

леспромхоза, описал жилье в следующем виде: «Грязь и грязь. С потолка — дождик. В углах и на полках — хлеб, покрытый плесенью»¹⁴.

В Зубовском леспромхозе «Средлес» работники бригады краевого дома самодеятельного искусства, побывавшие в феврале 1931 г. на Крутецком, Свеженском, Известковском и Вышенском производственных участках, увидели в бараках неприглядную картину: «Антисанитария, грязь, сырость, тараканы, клопы, нет света, а в Свеженском участке в лесных бараках даже нет печей»¹⁵.

В других регионах ситуация с проживанием лесорубов в бараках в начале 1930-х гг. была еще хуже. В докладной записке ГПУ Карельской АССР от 13 ноября 1931 г. приводились данные, что в Паданском леспромхозе «Кареллес» «бытовое обслуживание» было поставлено «безобразно»; в Кондопожском 13 семей постоянных лесорубов (36 человек) жили в двух домиках: «Скученность невероятная, грязь, развелись паразиты (вши)»¹⁶.

Необходимо отметить, что рассмотренные недостатки жилищной сферы лесной промышленности были типичны в целом для индустрии СССР 1930-х гг. В работах современных историков содержатся сведения о дефиците жилья, скученности проживания, грязи и неблагоустроенности в рабочих общежитиях [3, с. 168 — 175; 9, с. 136 — 137].

В архивных документах и материалах периодической печати упоминания о неблагополучии жилищного вопроса на лесозаготовках встречаются на протяжении всех трех предвоенных пятилеток (1930 — начало 1941 г.). Однако это не означает, что ситуация с жильем рабочих лесной промышленности периода третьей пятилетки ничем не отличалась от начала 1930-х гг. Для получения сведений о динамике и эволюции решения жилищного вопроса целесообразно исследовать оценки ситуации непосредственных участников лесозаготовок, которые сохранились в отложившихся в региональных архивах стенограммах съездов и совещаний работников лесной промышленности.

В стенограмме слета стахановцев лесной промышленности и лесного хозяйства Татарской АССР от 25 — 28 декабря 1935 г. представитель Лаишевского лесхоза Татлесхозтреста обратил внимание присутствующих на качественный сдвиг в решении проблемы жилья на лесозаготовках: «Что касается жилищно-бытовых условий, то перелом в этом отношении есть: устроены новые бараки — светлые, чистые, произведена дезинфекция, для стахановцев приобретены постельные принадлежности». Лесоруб Зеленодольского лесхоза подчеркнул, что общежитие устроено «с полным оборудованием, койки, матрацы, одеяла — все это имеется»¹⁷. Шофер Арского лесхоза отметил, что стахановцы живут в отдельных комнатах, имеют железные кровати и постельные принадлежности¹⁸.

¹⁴ Мокшанин П. Леспромхоз обманывает // Красная Мордовия. 1931. № 39. 18 февр.

¹⁵ Из леса пишут. В Зубовском леспромхозе не до культуры // Борьба за лес. 1932. № 9. 3 марта.

¹⁶ Советская лесная экономика. Москва — Север. 1917 — 1941 гг.: сб. док. и материалов / сост.: В. Г. Макуров, А. Т. Филатова. Петрозаводск, 2005. С. 207, 208.

¹⁷ ГА РТ. Ф. Р-1435. Оп. 1. Д. 338. Л. 30, 52.

¹⁸ Там же. Л. 65.

Помимо положительных высказываний на слете прозвучало достаточно много и критических замечаний: в Красноборском лесхозе барак «без дверей, без окон»; в Тельмановском лесхозе сезонные рабочие жили по «100 — 200 человек в маленьком бараке»¹⁹. Инспектор труда треста обратил внимание присутствующих, что в Мамадышском лесхозе в бараках лесорубов «не вставлены рамы», «форточек нет и вторых рам нет», отсутствуют постельные принадлежности²⁰.

Из приведенной информации видно, что ситуация 1930 — 1931 гг. с повсеместным недостатком жилых помещений, текущими крышами, грязью в бараках в основном была решена.

На собрании актива «Татлесзагтары» 11 — 13 апреля 1937 г. в выступлениях было озвучено, что в Октябрьском леспромхозе площадь жилых помещений была рассчитана на 70 чел., а постоянных кадров насчитывалось 400 чел. В Кайбицком леспромхозе жилой фонд не обеспечивал даже 50 % постоянных кадров; «в Теньковском лесопункте ютятся в одной избе по 4 семьи»²¹. На совещании 1 — 5 августа 1937 г. стахановец Тетюшского леспромхоза рассказал, что несколько лет с семьей жил в бараке с протекающей крышей. В выступлении директора Альметьевского леспромхоза прозвучала фраза: «У нас в леспромхозе стахановцы живут в землянках»²². Однако с учетом того, что в 1937 г. в «Татлесзагтаре» насчитывалось 16 леспромхозов²³, из них на двух совещаниях было выявлено только 4 проблемных, что составило небольшой процент. Кроме того, острый недостаток жилой площади для постоянных рабочих наблюдался только в двух леспромхозах — Октябрьском и Кайбицком.

На третьем совещании актива «Татлесзагтары» 26 — 28 сентября 1938 г. проблемы с жильем были озвучены в выступлениях представителей трех леспромхозов: Шереметьевского, Октябрьского и Камского²⁴. В двух не хватало жилой площади для размещения рабочих. В Октябрьском леспромхозе на одном из участков 12 семей до 10 сентября жили в землянках, после чего их переселили в только что построенный барак²⁵. В 1938 г. в лесозаготовительном тресте Татарской АССР состояло 13 леспромхозов²⁶. Вопреки сложившемуся в 1990-х гг. в массовом сознании российского общества стереотипу об атмосфере всеобщего страха в СССР в 1930-е гг. отложившиеся в региональных архивах стенограммы производственных совещаний работников лесной промышленности свидетельствуют об откровенном обсуждении целого комплекса существующих проблем лесозаготовок. В связи с этим выступления работников леспромхозов на указанных выше совещаниях, по нашему мнению, отражают реальную ситуацию о состоянии жилищной проблемы в лесозаготовительном тресте Татарии. С учетом общего количества леспромхозов,

¹⁹ ГА РТ. Ф. Р-1435. Оп. 1. Д. 338. Л. 60, 87.

²⁰ Там же. Л. 70, 244.

²¹ Там же. Ф. Р-4571. Оп. 1. Д. 24. Л. 8 об., 55.

²² Там же. Д. 25. Л. 93, 97.

²³ Там же. Д. 59. Л. 104.

²⁴ Там же. Д. 72. Л. 23, 32 об., 39 об.

²⁵ Там же. Л. 32 об.

²⁶ Там же. Д. 99. Л. 154.

только в 2 наблюдался недостаток жилой площади, что свидетельствует в целом о решении жилищной проблемы на лесозаготовках Татарской АССР в 1938 г.

Еще один пласт информации о состоянии жилищ работников леспрома Татарии содержится в протоколах партийных собраний первичных парторганизаций леспромхозов. Автором данного исследования были проработаны хранящиеся в ГА РТ материалы «первичек» Мамадышского, Красноборского, Тетюшского, Шеморданского, Шереметьевского леспромхозов «Татлеса» периода третьей пятилетки. На партийном собрании Шереметьевского леспромхоза 20 февраля 1940 г. один из выступающих заявил: «Я несколько раз говорил о том, что мы запустили общежитие, постели в грязи, стены закопчены, до сих пор не могут отремонтировать печи...»²⁷. В протоколе Мамадышского леспромхоза от 26 декабря 1940 г. зафиксировано: «У нас в бараках холодно, в некоторых местах нет даже стекол, нет вьюшек, а иногда и нет печей»²⁸. Недостаток жилой площади в протоколах отмечен только по Тетюшскому леспромхозу ЛПХ в сентябре 1939 г.²⁹ Таким образом, материалы партийных собраний о состоянии жилья лесорубов Татарии вполне коррелируются с информационным массивом совещаний лесозаготовителей.

Недостаток жилых помещений, особенно для сезонных рабочих в период осенне-зимних лесозаготовок, в третьей пятилетке наблюдался не только в Татарской АССР, но и на участках крупных лесозаготовителей Севера и Сибири. Так, газета «Лесная промышленность» в 1938 г. критиковала трест «Комилес»: «До начала зимних лесозаготовок остались считанные дни, а в леспромхозах еще не построена и четвертая часть общежитий»³⁰. В примыкающей с запада к Татарии Чувашской АССР на Шумерлинском мехлесопункте «Чувашлеса» в январе 1939 г. общежития к зиме не были подготовлены, в газетной заметке констатировалось: «Не отремонтированы, без стекол», «кроватей и постельных принадлежностей не хватает»³¹.

В целом можно констатировать, что проблема обеспечения жильем постоянных и сезонных рабочих лесозаготовок Татарской АССР в леспромхозах основного лесозаготовительного треста «Татлес», преобразованного далее в Наркомлес ТАССР, в третьей пятилетке была решена. В большинстве леспромхозов жилищный фонд был создан, шел процесс активного налаживания комфортных по меркам тех лет условий проживания лесорубов.

Отдельные причины медленного решения жилищной проблемы на лесозаготовках охарактеризованы в объяснительной записке к годовому отчету «Татлестхозтреста» за 1933 г.: «Выполнение строительных работ было доверено трестом директорам лесхозов, которые сами этим делом не занимались или занимались им „между прочим“, передоверяли на каждом участке отдельному лицу... При таком положении лесхозы каждый по-своему проявлял свою безграмотную фантазию». Доля вины, по мнению автора документа, лежала и на Главлесхозе Наркомата земледелия СССР, «не обеспечившего... фондовыми материалами: гвоздями, стеклом,

²⁷ ГА РТ. Ф. П-2251. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

²⁸ Там же. Ф. П-2652. Оп. 1. Д. 3. Л. 44.

²⁹ Там же. Ф. П-308. Оп. 1. Д. 2. Л. 49 об.

³⁰ Кирова К. В Комилесе нет руководства // Лесная промышленность. 1938. № 128. 17 сент.

³¹ Алексеев М. Из 19 тракторов работают 4 // Лесная промышленность. 1939. № 12. 22 янв.

сортовым железом». В связи с этим «лесхозы вынуждены были приобретать означенные материалы на местах по повышенной цене, с опозданием...»³².

Традиционной проблемой жилья 1930-х гг. было наличие в них насекомых-паразитов. Так, Г. К. Орджоникидзе, выступая на совещании работников тяжелой промышленности 28 сентября 1934 г., отметил: «Я целый месяц ездил по Уралу, не было ни одного собрания, где бы не ругались и не говорили о клопах. Неужели нельзя почистить квартиру, нельзя привести ее в порядок?»³³. На совещании актива рабочих лесной промышленности в августе 1937 г. стахановец Казанского леспромпхоза отметил: «Придешь с работы, хочешь отдохнуть, а тут клопы, которые никак тебе не дадут уснуть. Всю ночь ворочаешься с бока на бок, идешь на работу не выспавшись»³⁴. Однако борьба с грязью и насекомыми в жилых помещениях лесорубов даже в условиях нестабильной экономики 1930-х гг. велась. Так, направленный летом на работу в Лаишевский лесхоз работник треста по приезде осмотрел жилые помещения и убедился, что в бараках было много «клопов, тараканов и прочих насекомых»³⁵. Новый сотрудник поставил вопрос перед директором лесхоза, в результате был проведен ремонт всех жилых помещений с дезинфекцией и побелкой. Таким образом, в декабре 1935 г. из всех недостатков жилья по данному лесхозу было указано только отсутствие матрасов в старом бараке.

Следует отметить и случаи, когда управленцы различного уровня устранились от реального решения производственных и бытовых вопросов. В 1930-е гг. значительное количество руководителей лесной промышленности различного уровня в силу профессиональной некомпетентности неэффективно использовали финансовые и материальные средства [2, с. 142 — 154]. Проявилась указанная тенденция и в Татарии. В 1935 г., как и в 1940 г., в Мамадышском леспромпхозе в бараках было очень холодно. Стремление лучше выглядеть в глазах руководства поставило дирекцию Камского леспромпхоза «Татлес» в 1938 г. в сложную ситуацию. Перед приездом представителя из Москвы рабочих-лесорубов вместе с семьями переселили из землянок в недостроенные бараки, где отсутствовали вторые рамы в окнах, печи и потолки. Представитель центра, который ограничился поверхностным обследованием, отметил: «Ага, у вас в этих домах рабочие уже живут!». После этого в банк было сообщено, что сооружение бараков окончено и 16 тыс. руб., предназначенных для данного строительства, со счета леспромпхоза были сняты. Новый директор леспромпхоза, поведавший эту трагикомическую историю на совещании актива «Татлесзагтары» в сентябре 1938 г., просил руководство треста помочь с выделением денег для окончания строительства³⁶.

Рассмотрим ситуацию решения жилищной проблемы на лесозаготовках в годы третьей пятилетки в Мордовской АССР. Представляет интерес отложившаяся в фонде Куйбышевского обкома ВКП(б) стенограмма совещания работников треста «Средлес» от 10 — 12 ноября 1938 г. На совещании выступили более 30 руководящих

³² ГА РТ. Ф. Р-1435. Оп. 1. Д. 227. Л. 21.

³³ Орджоникидзе Г. К. Избранные речи и статьи. 1918 — 1937. М., 1945. С. 319.

³⁴ ГА РТ. Ф. Р-4571. Оп. 1. Д. 25. Л. 184.

³⁵ Там же. Ф. Р-1435. Оп. 1. Д. 338. Л. 192.

³⁶ Там же. Ф. Р-4571. Оп. 1. Д. 72. Л. 40.

работников треста, директоров и стахановцев леспромхозов, которые достаточно откровенно анализировали существующие недостатки производственной и бытовой сфер лесозаготовок. В конце 1938 г. в тресте «Средлес» насчитывалось 15 леспромхозов, в том числе на территории Мордовской АССР функционировало 3: Зубовский, Ичалковский и Краснослободский³⁷. Директор Зубовского леспромхоза проинформировал присутствующих, что в леспромхозе имелось 216 железных коек при потребности 1 010, матрасов — 364 из необходимых 1 197, одеял — 106 из 870, простыней — 476 из 1 000³⁸. В выступлениях двух представителей Ичалковского леспромхоза были подняты вопросы повышения расценок на лесозаготовительные работы другими организациями и использования лучковых пил. Представитель Краснослободского леспромхоза остановился на несовершенной системе расценок, отсутствии культурно-массовой работы и недостаточном снабжении продуктами магазинов и ларьков³⁹. Таким образом, представители 3 мордовских леспромхозов не жаловались на неблагоприятные условия проживания в бараках или их недостаток. Проблем жилищной сферы коснулись только представители Инзенского и Барышского леспромхозов Куйбышевской области, которые как и директор Зубовского леспромхоза, говорили только о недостатке железных кроватей, наволочек и простыней⁴⁰.

Судя по стенограмме совещания работников треста «Средлес», недостаток жилых помещений, текущие крыши, отсутствие сушилок, выбитые окна, грязь и клопы в бараках для лесозаготовок Мордовской АССР остались в первой половине 1930-х гг. Вряд ли при проживании в тесной грязной землянке или бараке с текущей крышей рабочих и руководителей леспромхоза волновали бы недостаток простыней, одеял и, тем более, отсутствие культурно-массовой работы. Даже существенный недостаток железных кроватей в Зубовском леспромхозе может свидетельствовать о кардинальном улучшении в третьей пятилетке условий проживания лесных рабочих: 216 новых кроватей вполне должно было хватить как для стахановцев, так и для большей части постоянных рабочих леспромхоза. Постоянные кадры во второй половине 1930-х гг. в тресте «Средлес» составляли порядка 20 — 25 % общего количества рабочих. Приезжающие на пару недель на лесозаготовки сезонные рабочие после трудового рабочего дня могли переночевать и на деревянных кроватях и топчанах. Можно с большой долей вероятности предположить, что 364 матраса и 476 простыней полностью обеспечивали потребность постоянных рабочих Зубовского леспромхоза и частично сезонных лесорубов и возчиков. Однозначно недостаточным было только количество одеял.

Заключение

Подводя итоги исследованию жилищной сферы на лесозаготовках в Мордовской и Татарской АССР, можно констатировать, что за несколько лет в начале 1930-х гг. был почти «с нуля» создан жилищный фонд. В третьей пятилетке центр тяжести

³⁷ ГА УО. Ф. Р-1810. Оп. 3. Д. 16. Л. 144.

³⁸ СОГАСПИ (Самарский областной государственный архив социально-политической истории). Ф. 656. Оп. 29. Д. 23. Л. 18 об.

³⁹ Там же. Л. 31 — 33, 35 об. — 37.

⁴⁰ Там же. Л. 13, 20.

проблем в жилищной сфере лесозаготовок данных республик Поволжья переместился в область создания комфортных условий проживания. В отдельных леспромпхозах Татарии недостаток жилых помещений продолжал сохраняться вплоть до конца рассматриваемого периода. В некоторых регионах страны ситуация с жилыми помещениями лесорубов в 1930-е гг. была более напряженной, чем в национальных республиках Поволжья.

Необходимость сократить отставание от развитых стран мира и создать военно-промышленную базу для обеспечения Красной армии в условиях надвигающейся мировой войны в 1930-е гг. СССР решил ускоренным рывком индустриального развития. В связи с этим вклад лесной промышленности в обеспечение сырьем, стройматериалами и топливом народного хозяйства страны трудно переоценить. Решение жилищной проблемы на лесозаготовках обеспечило успешное функционирование лесной промышленности не только в предвоенный период, но и в годы Великой Отечественной войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бондаренко О. Е., Князева Г. А., Турубанов А. Н. Лесной комплекс Республики Коми в XX веке. Сыктывкар: Ин-т яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН, 2004. 184 с.
2. Воейков Е. В. Руководящие кадры лесной промышленности в период предвоенной индустриализации // Российская история. 2020. № 5. С. 142 — 154.
3. Журавлев С. В., Мухин М. Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928 — 1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 240 с.
4. Зыкин И. В. «Зеленое золото» индустриализации: Лесопромышленный комплекс Уральского региона в конце 1929 г. — первой половине 1941 г. Екатеринбург: ООО Универсальная Типография «Альфа Принт», 2021. 304 с.
5. Зыкин И. В. Социокультурный облик работников лесопромышленного комплекса Советского Союза в конце 1929 г. — первой половине 1941 г. М.: Новый хронограф, 2022. 432 с.
6. История развития лесной промышленности Среднего Урала / сост. М. Ф. Маслюков. Екатеринбург: Средне-Уральское кн. изд-во, 1997. 400 с.
7. Лесная промышленность СССР. 1917 — 1957: в 3 т. Т. 1: Лесоэксплуатация. М.: Гослесбу-миздат, 1957. 260 с.
8. Лесное хозяйство России. М.: Изд-во «Лесная промышленность», 1968. 208 с.
9. Маркевич А. М., Соколов А. К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М.: РОССПЭН, 2005. 368 с.
10. Северный лес на все времена. Из истории лесопромышленного комплекса Республики Коми / сост. Н. В. Мельникова. Сыктывкар: Коми республиканская тип., 2011. 432 с.

Статья поступила в редакцию 16.01.2024; одобрена после рецензирования 16.02.2024; принята к публикации 22.02.2024.

Информация об авторе:

Евгений Владимирович Воейков, профессор кафедры История России и методика преподавания истории Пензенского государственного университета (440026, Россия, г. Пенза, ул. Лермонтова, 37), доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>, evgenijvoejkov@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bondarenko OE, Knyazeva GA, Turubanov AN. The Forest Complex of the Komi Republic in the XX Century. Syktyvkar;2004. (In Russ.)
2. Voeikov EV. The Leading Personnel of the Forest Industry in the Period of Pre-War Industrialization. *Russian History*;2020;(5):142—154. (In Russ.)
3. Zhuravlev SV, Mukhin MYu. Fortress of Socialism: Everyday Life and Motivation of Work at a Soviet Enterprise, 1928 — 1938. Moscow;2004. (In Russ.)
4. Zykin IV. Green Gold of Industrialization: The Timber Industry Complex of the Ural Region at the End of 1929 — the First Half of 1941. Yekaterinburg;2021. (In Russ.)
5. Zykin IV. Social and Cultural Appearance of Workers of the Timber Industry Complex of the Soviet Union at the End of 1929 — the First Half of 1941. Moscow;2022. (In Russ.)
6. The History of the Development of the Forest Industry in the Middle Urals. Yekaterinburg;1997. (In Russ.)
7. The Forest Industry of the USSR. 1917 — 1957. Moscow;1957;1. (In Russ.)
8. Forestry of Russia. Moscow;1968. (In Russ.)
9. Markevich AM, Sokolov AK. Magnitogorsk near the Garden Ring: Incentives to Work at the Moscow Plant “Sickle and Hammer”, 1883 — 2001. Moscow;2005. (In Russ.)
10. The Northern Forest for All Time. From the History of the Timber Industry of the Komi Republic. Syktyvkar;2011. (In Russ.)

The article was submitted 16.01.2024; approved after review 16.02.2024; accepted for publication 22.02.2024.

Information about the authors:

Evgeny V. Voeikov, Professor of the Department of History of Russia and Methods of Teaching History of Penza State University (37 Lermontov Str., Penza 440026, Russia), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>, evgenijvoeikov@yandex.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.